

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Ильинская С.Г. — Человек манипулируемый (политическая нестабильность как ожидаемое следствие современных образовательных технологий) // Философская мысль. – 2019. – № 11. DOI: 10.25136/2409-8728.2019.11.31441 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31441

Человек манипулируемый (политическая нестабильность как ожидаемое следствие современных образовательных технологий)

Ильинская Светлана Геннадьевна

кандидат политических наук

доцент, старший научный сотрудник, Институт философии РАН

109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр.1, оф. 421

✉ svetlana_ilinska@mail.ru

[Статья из рубрики "Эссе на житейские темы"](#)

Аннотация.

Статья сконцентрирована на том, как тестовая система контроля знаний школьника стала одним из факторов усугубления мозаичного сознания современной российской молодежи и, как следствие, увеличения степени его манипулируемости. На конкретных примерах проанализировано несоответствие утвержденных государственными стандартами методов оценивания специфике социо-гуманитарного знания, а также продемонстрированы последствия их применения для политической сферы. Особую достоверность выводам придает тот факт, что автор является не только научным сотрудником, но и преподавателем вуза, имеющим, в том числе, опыт подготовки школьников к ЕГЭ по обществознанию. Пример Калмыкии для иллюстрации последствий образовательных реформ не является случайным, поскольку автору довелось там жить, учиться, работать и принимать участие в политической жизни. Работа носит междисциплинарный характер. В ней применены методы включенного и внешнего наблюдения, критический анализ и сопоставление, обобщение педагогического опыта. Научная новизна исследования заключается в том, что последствия проведения государственных экзаменов в социо-гуманитарной сфере в форме тестирования анализируются через призму разрушения классического типа мышления в сочетании с техническими возможностями сетевой мобилизации. В ситуации множественности дискурсивных полей отследить и проконтролировать конкурирующих с государством агентов влияния и каналы, которыми они воспользуются, на сегодня не представляется возможным. Вот почему разорванность логических связей в процессе мышления, усугубляемая формами контроля, уже внедренными в российское школьное образование, грозит обернуться в ближайшем будущем (и уже оборачивается) массовыми политическими протестами.

Ключевые слова: сетевые социальные движения, социо-гуманитарное знание, политическая нестабильность, клиповое сознание, мозаичная культура, контроль процесса обучения, тестирование, образование, мышление, мобилизация

DOI:

10.25136/2409-8728.2019.11.31441

Дата направления в редакцию:

21-11-2019

Дата рецензирования:

22-11-2019

Дата публикации:

24-11-2019

Непосредственное соприкосновение с методикой внедрения тестирования в школьное обучение, а также ее итогами (в ходе общения на протяжении последних 14 лет со студентами и аспирантами) вынуждает вновь обратиться к наболевшей теме. Одно дело, когда с результатами дефектов школьного образования ты сталкиваешься на уровне неумения студента грамотно и связно написать целостный текст, другое – когда видишь в существующей образовательной политике угрозу целостности государства.

Трансформация сознания: насколько объективен данный процесс и что можно ему противопоставить?

Современные средства массовой коммуникации создают такую среду, в которой возникновение и функционирование в сознании человека сложных комплексов причинно-следственных связей становится трудно реализуемым. Аналогичные процессы формирования «мозаичного» сознания наблюдаются во всём мире, начиная с 1960-х годов (эпохи массового распространения телевидения), вызывая озабоченность философов изменением особенностей человеческого восприятия и мышления.

В 1967 году увидела свет книга французского философа культуры Абраама Моля, в которой он определяет «мозаичную культуру» как случайную, сложенную «из множества соприкасающихся, но не образующих конструкций фрагментов, где нет точек отсчета, нет ни одного подлинно общего понятия». Мозаичная культура весьма отличается от классической (аристотелевской) системы знаний, в которой мир разбивался на упорядоченную систему подчиненных друг другу и четко определенных категорий. Современный человек открывает для себя окружающий мир путем случайного накопления информации, его «экран знаний» представляет собой бесструктурный набор обрывков информации, усваиваемых через средства массовой коммуникации (СМК). При этом он остается на поверхности явления, получая случайные впечатления от более или менее воздействующих на него фактов, не прилагая к процессу познания ни силы критического суждения, ни умственных усилий. Поскольку СМК, фактически контролируя все поле культуры, формируют общественное мнение, то доминирующей чертой мышления становится ассоциативность, формальная логика постепенно уступает место менее точным системам, классические методы гуманитарного знания утрачиваются. [\[9, с. 43-46, 120, 352-353\]](#) Моль был не единственным, кто обратил внимание на изменение характера мыслительных связей, об этом писали М. Маклюэн («Галактика Гуттенберга», 1962 г.) [\[7\]](#), Э. Тоффлер («Шок будущего», 1970 г.) [\[15\]](#) и др.

В 1990-е годы, в связи с появлением такого явления культуры как телевизионный клип, представляющего собой беспорядочно мелькающий набор не связанных между собой кадров, в качестве синонима «мозаичного мышления» появляется понятие «клиповое мышление», от англ. «to clip» - «обрезать, обрывать, делать вырезки». Клиповое мышление – это «процесс отражения множества разнообразных свойств объектов, без учета связей между ними, характеризующийся фрагментарностью информационного потока, алогичностью, полной разнородностью поступающей информации, высокой скоростью переключения между частями, фрагментами информации, отсутствием целостной картины восприятия окружающего мира». [13]

Интернет-коммуникации окончательно усугубили и укрепили данную тенденцию, о чем в настоящее время выходит достаточно много публикаций. [14] Наиболее продвинутые педагоги и психологи, культурологи и футурологи находят в неклассическом типе мышления позитивные стороны, например, умение быстро просматривать (правда, глубоко не вникая) большие объемы информации. [16] И предлагают не бороться с существующими тенденциями, а приспособливаться к ним, разрабатывая для студентов и школьников современные формы подачи нового материала. [6] В целом, клиповое сознание все чаще воспринимается как данность, результат объективных процессов, бороться с которым бессмысленно, противопоставить что-то сложно. Однако, подстраиваясь под существующий феномен, педагогический корпус замыкает круг. Одно дело, если человек, вступая в коммуникацию с помощью современных средств связи, параллельно развивает логическое мышление с помощью классической системы образования, другое – когда такого развития не происходит вовсе. Современные образовательные технологии целенаправленно превращают процесс обучения в процесс развлечения. Однако, если к усвоению материала не были приложены интеллектуальные усилия, информация устойчиво не усваивается. Именно потому, что подросток сегодня знает, что в любой момент он может повторить поисковый запрос в Сеть, у него отсутствует мотивация к запоминанию, что влечет за собой фактическое незнание простейших вещей и может обернуться гуманитарной катастрофой в случае глобального обрушения баз данных, которое, с учетом экспоненциального роста их объема, становится все более вероятным. [10]

Отмечу, что хотя Интернет действительно оказывает большое влияние на характер протекания мыслительных процедур, противопоставить его негативному воздействию можно довольно многое. Отмечу это с тем большей уверенностью, что воспитала троих собственных детей, которым не составляет труда длительное время работать с книгой, обучаться с использованием классических методов и с полной концентрацией внимания.

Главное условие: начинать пользоваться письменной речью по мере постепенного овладения, как это происходило еще 20 лет назад, когда раннее обучение чтению было залогом будущей грамотности, поскольку ребенок, на первоначальном этапе читая уличные афиши и вывески, затем – книги, газеты и журналы, видел исключительно грамотную письменную речь. Сегодня раннее начало общения в социальных Интернет-сетях на сетевом сленге – новоязе, с включением ненормативной лексики, бранных выражений, употребляемом с большим количеством ошибок (общения, в процессе которого даже образованные люди нередко утрачивают навыки грамотности), приводит к тому, что дети навык владения культурной письменной речью не получают вовсе.

Как бы там ни было, уже около 30 лет компьютер является частью обыденной реальности российского гражданина, 20 лет – это явление носит тотальный характер (в каждой

семье, в каждой квартире, независимо от уровня обеспеченности), с 2010 по 2017 год, в связи с ростом использования других устройств (планшеты, смартфоны), время, отдаваемое виртуальной реальности (включая TV), выросло в среднем с 4,5 часов до 6-7 часов в сутки. [8] Начиная с момента появления в семьях первых ПК (начало 1990-х), старшее поколение, игнорируя соображения здоровья и здравого смысла, видело в таком «приобщении к высоким технологиям» исключительно позитивную сторону. Детей даже «подсаживали» на компьютерные игры сознательно. Родителям казалось, что подобным образом они уберегают их от вредного влияния «улицы». С одной стороны, ребенок был на глазах у родителей, с другой – не требовал постоянного внимания.

Итог данного процесса налицо. За минувшие годы выросло несколько поколений игроманов. «Компьютерные» дети – крайние индивидуалисты. Они не умеют делиться, организовывать сложные и подвижные игры, на которые были способны дети еще 40 лет назад (в казаки-разбойники, индейцев или поиск пиратских сокровищ и т.д.). Недостаток опыта общения, отсутствие умения договариваться и уступать у нынешних детей – характерная примета времени. Но у общества законченных эгоистов и крайних индивидуалистов нет будущего. Уже сейчас социологическое исследование группы «Циркон», посвященное возможности ценностной солидаризации населения России, показало, что современное российское общество крайне фрагментировано и не имеет объединяющих его ценностей. [5] Переломить ситуацию может только увеличение времени, выделяемого родителями на непосредственное общение со своим ребенком, его друзьями, оказание им помощи в организации сложных и подвижных занятий. Соцопросы показывают, что для 35 % старшеклассников социальные сети – средство спасения от одиночества. [4, С. 128]

Родители, занятые материальным обеспечением семьи, чаще всего не справляются с этой задачей, а школа ограничивается предоставлением образовательных услуг, и подрастающее поколение попадает под перекрестное воздействие «борцов за умы» в социальных сетях. Негативные последствия данного процесса мы время от времени наблюдаем, когда дети из вполне благополучных, на первый взгляд, семей оказываются вовлечены в порноиндустрию, завербованы в террористические организации или начинают проявлять суицидальные наклонности.

Тем не менее, противостоять данной тенденции вполне возможно, только это требует от родителей определенных морально-волевых усилий, прежде всего, полного исключения из домашней практики компьютерных игр, существенного ограничения собственного пребывания в Сети, максимального способствования пробуждения у детей интереса к книгам. Здесь огромную роль играет именно личный пример. Несмотря на то, что педагоги и психологи считают визуальные способы подачи информации для современных детей наиболее подходящими, возрастные ограничения на просмотр фильмов, которые устанавливали детские окулисты и неврологи 40 лет назад, остались неизменными. Однако за эти годы изменилась окружающая реальность: у родителей появилась возможность усадить ребенка перед экраном на целый день, успокаивая себя тем, что фильмы/игры, которые он потребляет, носят обучающий характер.

В том случае, если подрастающее поколение воспитывается среди хороших книг, которые стоят дома на полках, ребенок имеет возможность пройти в своем развитии необходимый этап приобщения к печатному (неэлектронному) тексту. Потрогать, рассмотреть книгу как материально-вещественный объект, приучиться черпать информацию именно из нее. Такой подход на уровне семьи, применяемый в массовом порядке, не даст обществу в целом вернуться к дотекстовой эпохе. До того момента, как

человек научится самостоятельно оценивать и сортировать информацию, свободный доступ в Интернет (в том числе через использование смартфона) для него должен быть закрыт, а это, как минимум, до окончания начальной школы.

При большом желании внутри семьи до определенного возраста сохраняется возможность успешного противостояния негативному влиянию научно-технического прогресса в сфере массовых коммуникаций. Однако с момента включения ребенка в школьную жизнь способность семьи нивелировать воздействие внешней среды резко снижается.

Образовательные технологии как фактор усугубления существующих трендов клиповизации мышления

Отдельно остановлюсь на том, что сегодня формированию мозаичного сознания в немалой степени способствует форма оценивания степени усвоения знаний школьником. И дело не только в спешности разработки, обилии ошибок, опечаток и методической непродуманности тестов. Тестирование как форма контроля знаний имеет свою специфику, делающую его непригодным для гуманитарных дисциплин. В первую очередь, данная форма контроля отличается полным отсутствием обратной связи. Экзаменуемому ничего нельзя уточнить, у него нет возможности выйти за жестко заданные рамки даже в условно творческих заданиях, что для начальных этапов обучения и для контроля знаний в гуманитарной сфере является просто губительным.

Начнем с того, что ныне повсеместным стал перенос практик, подходящих для старших школьников, на младшие классы. Так, например, в начальной школе в тестовых заданиях детям нередко предлагают «Исправить ошибки». Однако, специфика мышления и психология ученика начальной школы такова, что ему нельзя давать такие задания. До определенного возраста дети должны видеть только правильно напечатанный текст (о чем уже было сказано выше). Довольно часто им также предлагается выбрать неверное утверждение, как будто задачей разработчиков является специальное запутывание тестируемых.

Для меня остается загадкой, почему младшие школьники для оценивания уровня их знаний не могут по-прежнему, как много лет назад, написать диктант и выполнить к нему грамматические задания или решить контрольную работу, тем не менее, современная система начального образования сложилась так, что учеников, начиная со второго класса, непрерывно готовят к написанию ВПР (всероссийской проверочной работы). В итоге, уже на самых ранних этапах обучения их ориентируют на тестовые решебники, Яндекс-учебник и т.п. формы контроля, вместо того чтобы заложить им основы связного и осознанного письма.

Что касается учащихся старшей и средней школы, то я твердо убеждена, что тестовая система применительно к сфере гуманитарного знания наносит непоправимый вред личности обучаемого. Уже сегодня, даже на таких предметах как история и обществознание, у детей перестали развиваться навыки аргументации, владение устной речью, поскольку тесты естественным образом стали обычной формой не только итогового, но и промежуточного контроля знаний.

Чтобы было понятно, насколько ущербна внедренная система, приведу два примера из огромного множества вычитанных мною из предлагаемых для государственной итоговой аттестации.

1) Вопрос из ОГЭ (основного государственного экзамена, сдается в 9 классе) по истории

за 2019 год.

«Сравните революционные события февраля и октября 1917 года в России. Выберите и запишите в первую колонку таблицы порядковые номера черт сходства, а во вторую – порядковые номера черт различия». [\[2, С. 29\]](#)

«Правильный» ответ выглядит так:

Сходство:

1. Привели к смене правящей элиты;
2. Активную роль в событиях играла армия.

Различие:

1. Тщательно готовились;
2. Начинались в форме массовых рабочих и солдатских митингов и демонстраций. [\[2, С. 196\]](#)

На мой взгляд, такая постановка вопроса относительно различий попросту некорректна. В первом из них, видимо, имеется в виду, что одно событие тщательно готовилось, а другое – нет. Остается неясным, какое же именно из двух событий, по мнению разработчика, тщательно готовилось: Февраль (заговорщиками, вынудившими Николая II подписать отречение) или Октябрь (большевиками, подготовившими штурм Зимнего дворца).

Каждое положение из перечисленных выше сходств и различий, кроме относительно верного утверждения о смене правящей элиты, в обязательном порядке нуждается в обосновании, раскрытии, доказательстве, иллюстрации примерами. К тому же Февраль и Октябрь – два различных этапа достаточно продолжительной Русской революции 1905–1917 гг. [\[12\]](#), так что их сравнение в таком формате вообще неправомерно.

В целом, тест по отечественной истории на сегодня стало настолько сложно сдать, что дети массово отказываются его выбирать. Кстати, львиную долю в заданиях ОГЭ почему-то занимают вопросы по советскому периоду, который дети к 9 классу ещё не изучили. Этот экзамен вынужденно выбирают только те, чье будущее профессионально связано с историей. Однако, нужен ли стране историк, который «правильно» ответит на таким образом сформулированный вопрос?

Прежде, сдавая устный экзамен по истории, школьник в разумных пределах мог продемонстрировать свою эрудицию и начитанность, навыки аргументации. Сейчас для успешной сдачи теста ему необходимо заучить множество мелких и второстепенных деталей, произвольно подбираемых по прихоти разработчиков, которым с каждым годом все сложнее сочинять несметное количество заданий. Возможно, за них это теперь делает специальная программа автоматического перебора вариантов для подготовки «новых» вопросов на основе имеющихся, чем и объясняются встречающиеся бессмыслицы. И уж, конечно, подобные методы контроля не учитывают существование в социально-гуманитарных науках различных, порой диаметрально противоположных точек зрения по отдельным спорным вопросам. На устном экзамене школьник хотя бы может сослаться на авторитетный источник, из которого была вычитана та или иная информация, при прохождении тестирования он подобной возможности лишен.

2) Теперь приведу пример вопроса из ЕГЭ (единого государственного экзамена, сдается в 11 классе) по обществознанию за 2019 год.

«Проанализируйте ситуацию.

Удельный вес расходов на оплату труда в стоимости продукции в Японии в 2-3 раза ниже, чем в других странах (в США этот показатель составляет 32%, в Англии – 27%, а в Японии – 11%). Так, в стоимости итальянских автомобилей “Фиат” на зарплату приходится 31%, а в стоимости соответствующих японских – 6,6%.

Какие три фактора влияют на уменьшение доли заработной платы в стоимости продукции?» [\[3, с. 55.\]](#)

Системно мыслящий человек, даже не обладающий выдающейся экономической эрудицией, сумеет предположить, что низкая доля расходов на оплату труда в себестоимости продукции японского автомобилестроения объясняется более высокой степенью автоматизации и роботизации процесса производства, а также особенностями трудовой (корпоративной) этики японского рабочего и инженера, но в «правильном» ответе данных факторов вообще нет. Он звучит так: «На уменьшение доли заработной платы в стоимости продукции влияют следующие факторы: стоимость жизненных средств (благ), необходимых для поддержания способности человека к труду: в разных странах она различается; уровень квалификации работников; условия труда и др.» [\[3, с. 96\]](#)

Очевидно, разработчики считают, что в Японии стоимость жизненных благ и уровень квалификации работников существенно ниже нежели в Италии, а условия труда – хуже. Насколько оправдана подготовка обществоведа, который «правильно» ответит на этот вопрос?

Благодаря тому, что последние три года дети в школе системно не обучаются, а готовятся к сдаче теста (в 9 классе – к ОГЭ, в 10-11 классах – к ЕГЭ), безуспешно пытаясь заучить множество разрозненных фактов, они теряют возможность анализировать и утрачивают целостность сознания. И уж, конечно, на уровне тестового мышления не передается ценностная компонента, являющаяся неотъемлемой составляющей гуманитарных наук.

Считается, что введение ЕГЭ должно было способствовать ликвидации коррупции при поступлении в вуз. Ради этого была создана целая индустрия по написанию, изданию, проверке тестовых заданий, а дети и их родители стали заложниками этой системы. Очевидно, что гораздо проще было установить камеры в приемных комиссиях вузов (тогда как сейчас они в каждой школе) и жестче контролировать процесс сдачи вступительных экзаменов в них. Тем более, что в итоге реформы не устранили коррупцию, а перевели ее на другой уровень.

Массовое образование сегодня даже в странах «развитого» Запада пребывает в плачевном состоянии, хотя деньги в него инвестируются по сравнению с Россией просто несопоставимые. Главная причина – упрощение и стандартизация оценочных процедур через систему тестов и коммерциализация образования. Успешно продаваться может только то, что не обременительно, а весело и пусто. Именно поэтому глобальную систему обучения с необходимостью приходится дополнять импортом «умов» из тех анклавов, где образовательный процесс основан на иных принципах. И на Западе существующая система работала три последних десятилетия за счет притока студентов и исследователей из России, Китая, Индии, стран Центральной и Восточной Европы.

Элистинские события как частный случай массовой аберрации сознания

Проиллюстрирую утверждение о разорванности сознания молодежи, обученной в школе по новой системе, внедренной в российское образование вот уже на протяжении 10 лет, на примере протестов в Республике Калмыкия осенью 2019 года. Когда мы обращаемся к цветным революциям на постсоветском пространстве или событиям Арабской весны, мы, безусловно, видим последствия трансформации сознания современной молодежи и применения политических технологий. Так, скажем, в ходе «революции достоинства» на Украине зимой 2013/2014 года произошла прямая подмена повестки дня, когда реально существующие в стране социально-экономические проблемы были замещены псевдопроблемой евровыбора. Чему немало поспособствовала, в том числе, и образовательная политика украинского государства. Представляется, однако, более обоснованным обратиться к ситуации в российском регионе для того, чтобы подчеркнуть угрозу существующих российских образовательных трендов для внутренней безопасности Российской Федерации.

Калмыкия – дотационный российский регион, в котором все существующие отечественные социально-экономические и политические проблемы приобрели совершенно гротескные черты. За последние 30 лет высший уровень управления республикой и его ближайшее окружение, а вслед за ними и другие руководители более низкого ранга, практиковали «политику» конвертации львиной доли федеральных бюджетных средств, выделяемых на любые проекты, в личную собственность. Назначение на руководящий пост в Калмыкии рассматривалось как способ обеспечить личное благосостояние, приобрести недвижимость в Москве или за границей. Клановость и улусизм привели к тому, что в распределении должностей превалирует родственник и земляческий принцип, а практика «кормления» достигает совершенно неприличных масштабов. При этом социальные проблемы (отсутствие рабочих мест, изношенность инфраструктуры, плохое качество питьевой воды и мн. др.) находятся в катастрофически запущенном состоянии.

Потенциально амбициозные люди с самой различной этнической самоидентификацией в таких условиях покидают республику все постсоветские годы. Стремление прекратить существующее положение дел привело к назначению Трапезникова Д. В. руководителем администрации г. Элиста. Ставка на внешнюю фигуру, не имеющую связей в Калмыкии (родственники, бывшие одноклассники и т.п.), но в то же время обладающую опытом хозяйственного руководства регионом, пребывающим в глубоком социально-экономическом кризисе (Донецкой народной республикой), по идее, должна была прервать порочную практику кумовства.

Однако данное назначение вызвало волну протестов на том основании, что это не «наш человек» (по-калмыцки это звучит «мана кюн»). Руководят этими протестами вполне устроенные люди, дети которых живут и работают в Москве или за границей. Это классические «брокеры от культуры», живущие на западные гранты. Их прямой обязанностью является создание провокаций и раскачивание ситуации с опорой на этнический фактор. И, что характерно, мобилизовать на уличные протесты они смогли именно молодежь, которой легко удалось внушить, что ее главной проблемой является не отсутствие в Калмыкии рабочих мест и вообще перспектив развития, а назначение на руководящий пост человека «не из республики» (подразумевается, этнического некалмыка). А активное использование в молодежной среде современных средств связи обеспечило такую высокую степень участия в митингах, что даже вызвало удивление у самих организаторов.

В элистинском случае эскалации конфликта поспособствовало сразу несколько факторов: сложная социально-экономическая обстановка, этническая специфика и использование современных коммуникационных средств. Как отмечает профессор Г. Ю. Никопорев-Такигава: «Интернет полностью изменил тип лидерства, сообщив ему набор характеристик, некоторые из которых обнаруживают преимущество с типом лидерства, типичным для анархизма». Это произошло «в дополнение ко всем тем особенностям, которые новые технологии привнесли в социальные движения: скорость реакции на политический вызов, информирования, мобилизации; затрудненность государственного контроля за сетевыми социальными движениями... Возможность стать лидером и полная добровольность такого выдвижения, неангажированность и индивидуальность такого лидерства, наряду с прочими преимуществами обеспечивают успех» сетевых мобилизационных движений. [11, С. 59-59] Все это осложнилось разорванностью молодежного сознания. Отвечая на вопросы корреспондента «Новой газеты», протестующие верно перечисляют все проблемы республики, но оказываются не в состоянии выстроить логику рассуждений, делают абсурдные выводы: «Кирсан и его окружение воровали... Орлов и его окружение тоже воровали... Бату Хасиков пришел и назначил Трапезникова, который начал работать... Но это он просто занимается популизмом. Нам не нужен человек не из республики». [11]

Калмыкия, как и многие другие российские республики, прошла этап радикального этнического национализма в начале 1990-х, получила в тот момент суверенитета столько, «сколько могла проглотить», что имело катастрофические последствия, включая глубокий социально-экономический кризис региона и массовый исход из него наиболее образованного и активного населения. Сегодня политические лидеры протестов, в том числе руководители региональных отделений федеральных партий, легко возвращаются к лозунгам 25-летней давности, а молодежь, получившая образование в реформированной российской школе (даже имея какую-то информацию о том периоде от своих родителей, в свое время проголосовавших за Кирсана Илюмжинова – первого калмыцкого президента), не в состоянии проанализировать события не столь отдаленного прошлого, сопоставить и оценить возможные последствия своих действий.

Вывод

На первый взгляд, электорат, которым можно успешно манипулировать, гораздо более удобен для политической элиты: легко поддается на подмену повестки дня, поскольку не умеет улавливать тенденции; не помнит многократно нарушенных предвыборных обещаний, поскольку не анализирует политику в ее временном измерении. Однако в ситуации множественности дискурсивных полей такой электорат становится и многократно более опасен, так как отследить и проконтролировать конкурирующих с государством агентов влияния и каналы, которыми они воспользуются, на сегодня не представляется возможным. Вот почему разорванность логических связей в процессе мышления, усугубляемая формами контроля, уже внедренными в российское школьное образование, грозит обернуться в ближайшем будущем (и уже оборачивается) массовыми политическими протестами.

Библиография

1. Азар И. Бунт на корабле пустыни // Новая газета. 11.11.2019. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/11/11/82675-bunt-na-korable-pustyni> (дата обращения: 18.11.2019).
2. Артасов И.А. и др. ЕГЭ – 2019: История: 20 тренировочных вариантов

- экзаменационных работ для подготовки к основному государственному экзамену. М.: Издательство АСТ, 2018. 301 с.
3. Баранов П.А., Шевченко С.В. ЕГЭ – 2019: Обществознание: 10 тренировочных вариантов экзаменационных работ для подготовки к единому государственному экзамену. М.: Издательство АСТ, 2018. 103 с.
 4. Гуркина О.А., Мальцева Д.В. Мотивы использования виртуальных социальных сетей подростками // Социологические исследования. 2015. №5. С. 123-130.
 5. Задорин И. Культура диалога и согласия должна прийти на смену культуре конфликта и конкуренции. 10.06.2019. URL: <https://politconservatism.ru/interview/kultura-dialoga-i-soglasiya-dolzha-priйти-na-smenu-kulture-konflikta-i-konkurentsii> (дата обращения: 08.11.2019).
 6. Землинская Т.Е., Ферсман Н.Г. Методики вузовского обучения в контексте клипового мышления современного студента // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. №4 (255). С. 153-159.
 7. Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего. Пер. И. О. Тюриной. М.: Акад. Проект: Фонд «Мир», 2005. 495 с.
 8. Малинецкий Г.Г. Вся цифровая экономика должна быть выброшена как целое. 26.06.2018. URL: <https://izborsk-club.ru/15472> (дата обращения: 07.11.2019).
 9. Моль А. Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1973. 406 с.
 10. Неолиберальный апокалипсис: деньги, энергия, информация, человек. Доклад группы экспертов под руководством А. Нагорного. 04.11.2019. URL: http://zavtra.ru/blogs/neoliberal_nij_apokalipsis_den_gi_energiya_informatciya_chelovek (дата обращения: 18.11.2019).
 11. Никипорец-Такигава Г.Ю. О лидерстве в сетевых социальных движениях // Politbook. 2016. №3. С. 50-65.
 12. Пантин И.К. Русская революция. Идеи, идеология, политическая практика. М.: Летний сад, 2015. 294 с.
 13. Семеновских Т. В. Феномен «клипового мышления» в образовательной вузовской среде // Интернет-журнал «Науковедение». 2014. №5 (24), сентябрь – октябрь. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-klipovogo-myshleniya-v-obrazovatelnoy-vuzovskoy-srede/viewer> (дата обращения: 18.11.2019).
 14. Симакова С.И. Клиповизация мышления у молодежи как следствие развития визуальных коммуникаций в СМИ. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klipovizatsiya-myshleniya-u-molodezhikak-sledstvie-razvitiya-vizualnyh-kommunikatsiy-v-smi> (дата обращения: 18.11.2019).
 15. Тоффлер Э. Шок будущего: Пер. с англ. М.: Издательство АСТ, 2002. 557 с.
 16. Фрумкин К. Г. Глобальные изменения в культуре и судьба линейного текста // Ineternum. С.26-36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalnye-izmeneniya-v-myshlenii-i-sudba-tekstovoy-kultury/viewer> (дата обращения: 18.11.2019).